

Мой 1979-й

«Бакшиш, бакшиш!» – бормочет нищий, протягивая свою ладонь ко мне. Это нормально, поскольку я иду через Колабу – центр, район и одновременно дно Бомбея. Пора бы узнавать меня в лицо. Каждый день одно и то же. Была ли в этом дождливом муссоне у него еще хоть одна молодая иностранка с голубыми глазами, красивыми светлыми волосами и пирсингом в носу? Он не получил от меня ни одной рупии за все то время, что я спускалась по этой улице на прошлой неделе. Впиваясь в него взглядом, я увильнула, чтобы избежать протянутой ладони другого босого нищего, мальчика в изодранных шортах. Что-то говорит мне, что они «зарабатывают» больше денег на еду, чем я.

Отмахнувшись рукой, я завопила: «ЧЕЛЛО!» Одно из нескольких слов на хинди, которые я использовала в течение моих четырех лет в Индии. «УХОДИ! ПРОВАЛИВАЙ!»

В конце здания я повернула налево, чтобы вернуться в отель, где были полосы ржавчины на потолке и гигантские сырые разводы на стенах общественного душа. Сегодняшний день еще не видел дождя, но темные облака предсказывали, что он скоро начнется. После вчерашнего наводнения улицы были все еще затоплены. А подол моей юбки по самые лодыжки был настолько грязный, что, наверное, уже никогда не отстирается. Как я выживу здесь следующие два месяца? Все мои друзья уехали в последнее время. Никто сознательно не провел бы сезон дождей в Индии. Только лузеры могли застрять здесь в муссон.

– Клео! Клео! – услышала я, как кто-то прокричал, и, повернувшись, я увидела бирмингемского Боба, бегущего ко мне.

Я не поверила своим глазам. У него был жутко потрепанный вид. Исчезли толстые золотые украшения, что были у него два года назад, и присущая ему дерзкая уверенность. Его гладкая когда-то кожа была усеяна крупными прыщами.

– Привет, дорогая, – сказал он, целуя меня с энтузиазмом, без всяких намеков на прежние плохие отношения между нами.

– Как дела? Ты выглядишь великолепно. Есть гердос?

Его надежду выдала пропавшая с лица улыбка, после того как я отрицательно покачала головой и ответила: «Только опиум».

– Я сыт опиумом по горло! – хмыкнув, проворчал он.

Рассказывая мне о своих последних неудачах в контрабанде, его глаза пытливо осматривали пространство улицы вокруг нас в поиске потенциальных источников бесплатных наркотиков. Смирившись, он со вздохом сказал:

– Нелегко здесь теперь... Правда, любимая?

– Та же фигня. Ничего не клеится у меня в этом году. Я приехала в Бомбей, чтобы не сдохнуть с голоду в Гоа. Била из джус-центра Дипти* дает мне каждый день в кредит одно манговое мороженное. Янти из турагентства одолжил мне немного рупий для оплаты моего отеля. Я не знаю, что я буду делать, когда эти деньги закончатся.

– Чертовски глупо. Я чувствую себя разбитым корытом, – произнес Боб, поворачиваясь и сканируя пространство позади себя. – Меня выгнали из отеля за неуплату счетов. С тех пор я сплю на улице.

Святая корова! Я слышала об опустившихся людях, которые спят на улице с индийскими нищими, но прежде я ни с одним из них знакома не была. И хотя его лицо было одним из немногих дружелюбных лиц, с кем я столкнулась сегодня, у меня возникло жуткое желание убежать от него подальше. Но прежде чем я смогла произнести слова, оправдывающие мои срочно возникшие дела, он, увидев позади меня кого-то знакомого, внезапно убежал, даже не попрощавшись со мной. Чтобы пересечь большую улицу, я наступила ногой в поток черной воды, даже не потрудившись поднять юбку, позволяя ей, уже запятнанной, плыть словно поплавок. Спать на улице вместе с нищими? И это может произойти со мной? Насколько далека от этого я? Так или иначе, даже только с одним мороженым в день, мой кредит в магазинчике Билы не продлится вечно. Я исчерпала доверие людей, у которых могла одалживать денег. Мой бедный папочка, если бы он еще был жив и был бы в состоянии видеть меня... О, мой правильный отец-еврей, когда-то он владел роскошным отелем в Майами-Бич. Наверное, увидев меня в таком положении здесь, он помер бы заново. Моя наивная мать-еврейка в Нью-Йорке все еще думает, что я успешная модель,

* Джус-центр (от англ. juice centre) – кафе с большим разнообразием свежевыжатых соков

потому что все последние годы я посылала ей свои вырезки из журналов. Нет, я не могу позволить себе упасть до уровня уличного нищего! Я не буду этого делать, даже если это будет означать, что мне нужно уехать из Индии навсегда. Но я не хочу уезжать из Индии. Она стала моим домом. Гоа был моей мечтой, и моим найденным фантастическим раем. Я не могла оставить его. Все было бы значительно проще, если была бы осень. Тогда я смогла бы вернуться в мой дом, к моей собаке, к ночным пляжным вечеринкам. Это все теперь осталось в Гоа, в заколоченных от дождя помещениях и закрытых ресторанах. Но как только муссон закончится, мои друзья вернутся, и мы еще попрыгаем. Гоа – это мой дом. Я просто обязана пережить следующие два месяца, и тогда я смогу туда вернуться. Отброшенная еще неделю назад мысль о том, чтобы обратиться к Рашиду, снова посетила меня. У меня не было выбора, кроме как вовлечь себя в мутные дела с этим скользким индийским типом. Рашид... фу, как мерзко его вспоминать. Имя Говношид подошло бы ему лучше. Свернув с дороги, я остановилась, чтобы оставить ему сообщение в лотке, где торговали соками и напитками типа йогурта под названием «ласси», и отправилась обратно в отель.

Я старалась не прикасаться к стенам в моей комнате, на них был мерзкий слой плесени, она, словно молочная пена, спускалась с потолка. Также я не могла сидеть на стуле с пестрой засаленной обивкой. Когда я прикасалась к чему-либо в комнате, это вызывало дрожь на моей коже. Прежде чем лечь, я постелила свое индийское кимоно на кровати, чтобы не видеть желтые и серые круги на простыне. Чтобы хоть как то выносить это место, мне приходилось отключать датчик в моей голове, датчик под названием «эстетика».

Уже на следующий день Рашид остановился возле меня, когда я была на улице. Он подъехал на машине, переполненной индусами, и выглядел словно волк в окружении своей стаи.

– Привет, дорогая, – сказал он. Что я могу сделать для тебя? Хочешь кокаинчику?

– Мне нужно заработать денег, – сказала я, разглядывая его чересчур стильную для индуса одежду. – Я слышала, у тебя есть люди, обналичивающие чеки или занимающиеся чем-то подобным? Ходят слухи, что ты можешь помочь с этим бизнесом.

– Для тебя, дорогая, у меня есть кое-что получше, да и побезопаснее.

Работа, которую он имел в виду, была связана с продажей и обналичиванием ворованных дорожных чеков, и была частью боль-

шой махинации, которую он проворачивал в нескольких городах. Похоже, у Рашида была сеть, в которую входили как индусы, так и иностранцы, сотрудничающие с ним. Сначала в его афере действовали только индусы, они «охотились» на туристов. Далее, по сценарию, в дело должна была войти я, помогая иностранцам распрощаться с дорожными чеками. Их обналичивание было последним и самым опасным шагом. Для этого у Рашида и была отдельная группа иностранцев.

Видимо, мой датчик «сострадания» окончательно онемел, и меня не беспокоило то, к чему могла привести эта работа.

– Дорогая, возвращайся в отель и жди меня там. Мы позовем тебя, когда будем готовы, – сказал он с улыбкой, пристально глядя на меня. – Кто-нибудь из моих парней придет к тебе и объяснит нюансы нашего бизнеса. Вот тебе сто рупий, сходи, поешь. Может, тебе нужен гердос? Ты же знаешь, дорогая, что можешь обратиться ко мне в любое время, Рашид всегда позаботится о тебе.

Мне не пришлось в отеле долго ждать от него звонка. Не успев насладиться праздником живота, я взяла трубку, доедая второпях стейк и третий пончик с малиной. Я точно не знала, как работает его афера, но понимала, что должна была играть роль туристки. Поэтому я вынула из носа серьгу и надела свое «социальное» платье, в котором ходила продлевать визу. Другой переполненный автомобиль подъехал к отелю, на этот раз без Рашида. Я втиснулась в авто, как раз между индусом и потрепанного вида французом, с засаленными, покрытыми перхотью волосами.

– У нас будет встреча с американцем в кафе. А это твой муж, – сказал мне один из индусов, указав на француза с глазами, в которых отражался упадок духа. Видимо, Рашид знал всех героиновых торчков Бомбея и нанимал их для своих махинаций.

– Вы должны притвориться, что вчера обменивали деньги у нас и вернулись сегодня, чтобы поменять еще больше, – продолжал монотонно рассказывать индус, глядя то на меня, то на лягушатника. Здесь у меня возьмете дорожные чеки. Не волнуйтесь, все пройдет легко.

В тот момент мой живот был полон и так доволен, что я не чувствовала ничего, кроме блаженства. Также радовало, что по возвращении меня ждал еще один малиновый пончик. Автомобиль оставил нас позади здания кафе. Начался небольшой дождик. Когда мы вошли, джанки-лягушатник сразу же узнал за столом другого индуса, то был человек Рашида. Он махнул нам рукой, пригласив к столу, где сидел американец, стриженный под ежик.

– Привет, – тепло поприветствовал нас индус, поворачиваясь к туристу. Вот пара, о которой я вам говорил. Вчера они неплохо заработали, это было почти двести долларов, так? Он резко бросил на нас взгляд, и мы кивнули.

– У вас не было проблем, не так ли?

– Нет, – ответил мой грязный, покрытый перхотью, упавший духом муженек.

– Хотите кусочек пирога? Здесь делают замечательный чизкейк.

Выпив с нами чаю, человек Рашида специально ушел ненадолго, дав возможность американцу поговорить с нами.

– Что он хочет, чтоб мы сделали? – спросил меня турист. Купить дорожные чеки за него? И все?

– Да, только и всего, – ответил ему «мистер Перхоть». – Он дает нам доллары США, и мы покупаем ему чеки. По местному закону индусам не разрешено иметь иностранную валюту. Но им нужны дорожные чеки и иностранная валюта, чтобы покинуть страну. Обычная бюрократическая ерунда. Мы зарабатываем тем, что имеем свой процент от суммы, которую меняем.

Покинув ресторан все вчетвером, мы сели в такси и поехали на окраину города. Приземистые здания были похожи на фабрики, а людей, идущих по улицам, было значительно меньше, чем в центре города. К этому времени дождь уже лил всюю. Я, мой «перхотный муж» и турист, сжавшись, топтались под зонтиком. Человек Рашида, стоящий под дождем, объяснил, что мы должны его ждать здесь, пока он будет получать деньги. Тем временем, так как он должен был доверить нам свои наличные доллары, мы должны были дать ему наши дорожные чеки. Сумма наличных должна будет соответствовать количеству наших дорожных чеков.

– Деньги находятся в надежном месте, за углом, – сказал он скрючившись и нагнувшись вперед, чтобы прикрыть от дождя свои глаза. Давайте мне свои чеки, я положу их в надежное место и вернусь с деньгами.

Последовав примеру «мистера Перхоти», я вручила индусу дорожные чеки, которые мне дали в машине люди Рашида. Посмотрев, с какой легкостью мы расстаемся с дорожными чеками, турист, поколебавшись не более секунды, отдал свои.

Боже мой! Тут, я внезапно осознала, что нас оставили ждать вместе с этим опрятным американцем, пока до него не дойдет, что он был одурачен.

– Вы действительно уверены, что это безопасно? – спросил он, наблюдая, как мы смотрим вслед уходящему индусу, который нес в своем кармане наши чеки стоимостью две тысячи долларов.

Вокруг нас уже образовалась огромная дождевая лужа, но мы продолжали ждать. Перхоть покинул убежище нашего зонтика, чтобы сесть на бетонную плиту. О, потрясаяще, теперь я была одна с этим парнем. Что мне было делать в этот момент? Я попыталась сконцентрироваться на воспоминаниях о своем пушистом псе по имени Бах, оставшимся в Гоа. А вдруг он убежал от человека, с которым я оставила его? Кто же его тогда будет кормить? Он наверняка скучает по мне. Чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей, я решила поговорить с нашим туристом.

– Откуда ты приехал? – спросила я нашу жертву. В этот момент вода уже лилась каскадом с нашего зонтика. Она текла по моему локтю, затем вниз по ноге, и выливалась в левый ботинок.

– Висконсин. Вы были там когда-нибудь?

Вода уже залила ему всю спину, полностью разрушив тщательно отутюженные стрелки на его брюках.

Я покачала головой. Моя обувь захлюпала, когда я переместила свой вес с одной ноги на другую. Сколько, интересно, времени это будет продолжаться?

– Мы выбрали, конечно, неправильное время года, чтобы отдохнуть в Индии, не так ли? – произнес он.

– Мм... действительно! Мой турагент ничего мне не говорил о сезоне дождей. А ваш?

– Это не тактично оставить нас в этом месте, что бы мы ждали, – прокомментировал он. Это, то же самое место, где вы вчера его ждали?

Я смотрела на Перхоть, а он сидел на бетоне с закрытыми глазами, равнодушно позволяя дождю течь по нему. Я кивнула и попыталась вспомнить вкус малинового пончика.

– Что вы делаете в Висконсине? – спросила я, жалея, что он не был мне близок. Я чувствовала тепло его руки, держащей вместе со мной один на двоих зонтик.

– Я занимаюсь производством болтов и гаек специальных размеров. А вы чем занимаетесь?

– О, ну.. то-се... по-разному... ну ты понимаешь, – ответила я, задумавшись о том, что должна была бы заранее придумать ответы и получше.

Пятнадцать минут спустя наша жертва начала волноваться.

– Где же тот человек? Он опаздывает. Он вчера ходил так же долго?

Я снова посмотрела на своего «муженька». Его глаза были все еще закрыты.

– Нет, вчера он сразу вернулся. Надеюсь, что там не случилось каких-нибудь накладок.

Через двадцать минут наша жертва застонала.

– Он не вернется, – сказал американец. Я думаю, что нас развели.

В этот момент Перхоть присоединился к нам, сморщив лоб, чтобы выглядеть заинтересованным.

– Не может быть! Думаете, нас кинули?

– Что он может сделать с нашими дорожными чеками? – спросила я. Тебе нужно идентифицировать себя, показав паспорт, чтобы их обналичить.

– Вот убудок! – воскликнул громко Перхоть.

– Что будем теперь делать? Мы должны написать заявление в полицию.

– Но мы не можем сказать правду, – выдал Перхоть с притворной тревогой. – То, что мы запланировали, это ведь незаконно. У нас будут из-за этого проблемы. Надо будет сказать, что мы потеряли наши чеки.

– Вы правы. Или надо сказать, что их украли из гостиничного номера, – добавила я.

Наконец, когда турист потерял последнюю надежду, мы согласились уехать, договорившись отдельно сообщить о потерянных чеках.

Позже Перхоть и я разделили триста долларов, наши пятнадцать процентов от чеков американца. Если другие иностранцы, которые обналичили эти чеки, тоже получали такой же процент, то, видимо, Рашиду доставалось нехилая прибыль. И кто знал, сколько других, таких же, как мы, работали на него.

– Слушай, – сказала я Перхоти, – как ты думаешь, могу я их попросить в следующий раз не оставлять меня под дождем. Должно же быть где-нибудь место с крыльцом, или каким-нибудь навесом, или что-нибудь в этом духе.

– Не делай этого. Чем комфортней место, тем дольше тебе придется ждать вместе с этими лохами. Поверь мне, так лучше, когда ты с лохом стоите под проливным дождем.

Покончив с оставшимся пончиком, я собрала вещи и переехала в другой номер, в котором был собственный туалет. Какая роскошь.

Хотя я и не была в восторге от моей новой профессии, денежная компенсация облегчила мою ноющую совесть. Я тут же пошла в Шератон, чтобы купить себе французский хлеб, сыр «Камамбер» и бутылку американского шампанского. Теперь я, в конце концов, просто могла бы продержаться до сентября.

После четырех дней работы с Перхотью я, наконец-то, стала работать одна.

Я ненавидела это делать. Я очень не хотела стоять там, рядом с туристами, которые понимали, что их чеки уже не вернутся. Ожидая вместе с ними, я чувствовала, как исчезает их последняя надежда, и это было пыткой для меня. В то время как они мучились, осознавая свою потерю, я мучилась, зная, что причиной их страданий являюсь я.

– Я сэкономила для этой поездки в течение нескольких лет, – сказала мне как-то одна немка, ожидая со мной больше часа появления пропавшего индуса. – Я всегда хотела посетить святую реку Ганг, – произнесла она, сделав паузу, чтобы последний раз мрачно посмотреть в ту сторону, куда она позволила кому-то уйти с ее дорожными чеками.

Я чувствовала себя ужасно, зная о том, каких подкинула ей проблем. Если она приехала в Индию только для двухнедельной экскурсии, то вряд ли она опустит свои ладони в священные воды Ганга. Я пыталась не думать об этом. Я старалась заткнуть внутренний голос, который говорил мне: «какая же ты идиотка». Я думала вместо этого о Гоа и о моем песике Бахе. О еде, которую я теперь могу себе позволить. И хотя обманутые мной люди предполагали, что я могла быть в сговоре с мошенниками, никто мне не заявил об этом прямо в лоб. Что беспокоило меня, так это возможность столкнуться с ними позже. Туристический район Бомбея был небольшой, и я знала, что наши жертвы изучат все детали жульничества, как только возвратятся в свои отели. Несомненно, их портье слышали о таких случаях. Это был печально известный способ мошенничества, который знали в American Express, и поэтому они распространяли листовки с описаниями людей Рашида. Это был большой бизнес, и люди Рашида звонили мне как минимум раз в день. Через несколько недель такой работы, мое беспокойство переросло из обычного опасения быть пойманной в жуткую паранойю. Мне постоянно казалось, что меня поймают, как только я выйду на улицу.

В конце концов я купила черный парик и пару темных очков. Теперь, я чувствовала себя нелепо, когда кралась по маленьким пе-

реулкам. Если я видела на улице какого-нибудь европейца, то тут же поворачивалась к витрине, чтобы быть незамеченной и быстро в отражении разглядеть его лицо, стараясь понять, ищет он меня или нет.

Когда Рашид предложил мне поехать работать в Дели, я почувствовала невероятное облегчение.

– Дорогая, тебе понравится в Дели. Все мои люди будут жить в одном отеле. Это будет как пати. Посмотри, дорогая, я пытаюсь тебя осчастливить, – сказал он, играючи приподняв одну бровь.

Перхоть поехал тоже. Очевидно, туризм очень быстро развивался в Дели. Мы все втроем полетели вместе, а Рашид проводил персонально нас прямо в отель. Как только мы вошли внутрь, сотрудники отеля встали по стойке смирно и опустили головы в знак уважения к нему. Наверное, это место тоже принадлежало ему. Там, наверху, Перхоть и я познакомились еще с шестью такими же, как мы, европейцами. Все они были мужчинами и выглядели запущенно и неряшливо.

Швейцар показал мне мою комнату. Я была приятно удивлена: у меня была своя собственная ванная.

– Как тебе, дорогая? Разве здесь не уютно?

В течение дня мы без дела сидели в центральной части отеля, ожидая, когда нас позовут. Менеджер отеля вызывал нас по очереди.

– Твоя очередь, – сообщил индус Перхоти.

– Почему я снова? Я уже был дважды сегодня.

– Клео, ты следующая.

– Но я еще не доела курицу-тандури, – простила я недовольно.

Иногда мы работали все сразу. Редко больше троих человек одновременно было на деле. В Дели я наконец-то расслабилась. Мой отель находился не в центре города, и я больше не боялась столкновения с жертвами аферы. Я все еще продолжала ненавидеть свою работу, но только так я могла выжить в муссон. А какой был замечательный бенгальский ресторанчик внизу отеля! Еда! Скоро, скоро я уже снова смогу вернуться в Гоа.

Однажды вечером Перхоть не вернулся с дела. Мы сообщили об этом Рашиду. Поздно ночью громкий удар в дверь разбудил меня. Заспанная и злая, я открыла дверь, даже не успев понять, что происходит. Двое полицейских шагнули в мою комнату. Вот дерьмо, пронеслось в моей голове.

– Вы турист? – спросил маленький инспектор, бегая глазами по углам комнаты.

– Эээ... да.

– Пожалуйста, покажите ваш паспорт.

Взяв его в руки, он сел на кровать и стал изучать. Другой полицейский начал ковыряться в пустых ящиках и рыться в моем чемодане, где уже через какое-то время, вся одежда, превратилась в один большой узел.

– Вы что, находитесь в Индии уже одиннадцать месяцев? – спросил инспектор, пытаясь выяснить дату моего прилета. – А, нет, вы совершали одну поездку в Бангкок, и возвратились. Кем вы работаете?

– О, хм... мм...

– Вы 1950-го года рождения? Правильно? Вам двадцать девять лет? – Тут он пристально посмотрел на меня. – Вы не выглядите больше чем на восемнадцать лет.

Люди всегда давали мне значительно меньше, чем я выглядела на самом деле. Он начал сравнивать меня с моей фотографией в паспорте. В этот момент второй коп обнаружил кучу дорожных чеков, спрятанных в нижней части моего бикини.

Он принес их инспектору, и они оба стали улыбаться как придурковатые клоуны.

– Так! Это ваши чеки? На ваше имя?

Чеки были не мои, и не на мое имя. И полицейские меня арестовали. Крытый брезентом джип ждал нас перед отелем, и сзади, обернутый по самые уши в одеяло, сидел Перхоть.

– Что произошло? – спросила я, садясь рядом с ним.

Он подождал, пока шум двигателя не станет громче, чем голос водителя, и затем ответил:

– Одна туристка, с прошлого года, узнала меня. Она позвала полицейских. Они долго били меня. Глянь, они вырвали мою сережку.

– Жалобно всхлипнув, он пододвинулся поближе, чтобы показать две кровавые половинки мочки его уха.

– Эти свиньи изуродовали мне ухо.

Видимо, по его мнению, это должно было оправдать то, что он настучал на меня. Было очевидно, что он привел полицию прямо ко мне. Он, должно быть, не упомянул больше никого из отеля, только меня. Большое спасибо, Перхоть, хотела сказать ему я, но вместо этого просто улыбку в ответ. В тот злополучный момент я сама остро нуждалась в поддержке и сострадании, а враг мне совсем был не нужен.

– С тобой все в порядке? – спросила я.

Была полночь, когда джип привез нас к отделению полиции. Наше прибытие разбудило служащих, которые спали на бетонном полу внутреннего двора. После того как Перхоть был посажен в пустую клетку, полицейский сказал мне: «А теперь наша леда», и проводил меня в узкую комнату, заваленную желтыми папками и пахнущую индийской едой.

– У нас нет возможности поместить вас в специальную камеру. Вы должны провести ночь в этом офисе, – сказал он мне, и обратился к служащему на хинди, стоящему позади нас. После этого служащий выдал мне одеяло, точно такое же, в какое был завернут Перхоть, и таинственно исчез в ночи.

– Будете спать здесь, – сказал инспектор, расстилая одеяло на полу. Одна половина одеяла была под столом, а другая половина рядом со стулом. Тут я услышала лязг цепей.

– Вы должны лечь сейчас.

Я села на пол и попыталась сделать подушку, свернув свою сумку в комок.

– Я сожалею, но мы должны приковать вас, пожалуйста, лягте на пол, – сказал полицейский, приблизившись ко мне, и встал на колени рядом со мной с весьма массивной цепью, которая подошла бы как минимум для слона.

– Вот, поставьте ноги здесь.

Я послушно залезла под стол, а он приковал мою лодыжку к металлической ножке стола. Потом, он дал мне другое одеяло и выключил свет.

Вентилятор на потолке вращался так медленно, что я едва чувствовала передвижение воздуха кончиками моих волос. Звуки внутреннего двора полицейского участка стали становиться все тише, и служащие прекратили издавать какой либо шум, растворившись в ночи. В коридоре хлопнула дверь, и я услышала вдалеке крик какого-то иностранца. В ответ кто-то другой крикнул длинную тираду слов, но я не смогла разобрать ни одного из них. Мои лопатки вдавились в пол, и кроме того, я не могла повернуться, потому что моя нога была прикована к столу. Я заплакала... Прикованная цепью под столом, в отделении полиции, где-то в Нью-Дели, в Индии, посреди ночи. Мне не хотелось об этом думать. Я отчаянно пыталась заснуть, желая, чтобы все это растворилось и исчезло, хоть ненадолго. Я знала, что это будет сделать нелегко. И еще я поняла, что инспектор остался где-то рядом, в темноте, и это меня просто убивало. Я услышала шорох где-то совсем рядом. Он прикоснулся

ко мне рукой, погладил волосы и с сексуальным мурлыканьем в голосе сказал:

– Ты не должна плакать, я могу сделать для тебя все окей, я даже могу убрать эти наручники, если ты пожелаешь.

Моя шея жутко чесалась от шершавой поверхности сумки, не давая погрузиться в сон. Как я вовлекла себя в этот бардак? Видимо, где-то по пути я потеряла контроль над своей жизнью. Где-то что-то упустила. Ведь все же было так замечательно. Я создала себе прекрасный дом в Гоа. Там было комьюнити моей мечты, там был прекрасный, просто фантастический рай. Там было все, что я когда-либо хотела. Но я в настоящее время была не там. Гоа казался очень далеким миром. Почему все пошло не так?

Пока инспектор гладил мои волосы, я погрузилась в воспоминания детства, я вспоминала, как ласкала меня моя мама, когда я была маленькой девочкой. Она сидела на моей кровати и так ласково гладила меня, до тех пор, пока я не засыпала. Иногда, она пела песню о куклах или о швейцарском человеке, который делал сыр. Весь этот праздник происходил только по четвергам, потому что в этот день у гувернантки был выходной.

Единственный ребенок в богатой семье, я росла в больших апартаментах Нью-Йорка, с видом на Центральный парк. У нас был повар и уборщица. У меня была французская нянька, и я ходила во французскую школу, в которую меня возили на лимузине с личным шофером. Никто в семье не был французом, но французский язык был шиком, да и вся семья была очень шикарна. Мы проводили противные для меня месяцы года во флоридском отеле моего отца, где он был одним из совладельцев. Я была воспитана в хороших условиях, в таких, каких могла бы вырасти только Настоящая Американско-еврейская Принцесса.

Когда я была еще тинэйджером, мой отец серьезно заболел болезнью Паркинсона. Я помню грустную историю, когда он упал в метро по возвращении домой, и добрался только при помощи незнакомцев – все это добавляло боли в мое детское сердце. Как-то, во время одного значительного нью-йоркского затмения он сидел дома, в своем инвалидном кресле, освещенный свечами. Мне стало страшно. Я увидела его пустой взгляд, который заставил меня понять, что он больше не осознает себя. Каждый день я наблюдала, как слабеет его ум и скрючивается его тело, – тогда я еще не со-

Клео Одзер

знавала, что наши финансы делают то же самое. К тому времени я была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что бывшее величие больше не живет в нем. Болезнь забрала все его последние годы, и до самой смерти он прожил как овощ. Тогда моя мама считала, что лучше позволить мне одичать, чем держать меня дома, наблюдающей за тем, как он чахнет. И я одичала.

– Что здесь происходит? – спросила однажды она, входя в мою комнату. Я вместе с друзьями лежала на полу, и все мы восхищенно наблюдали за движущимся рисунком, который шевелился вокруг нас. Рисунок этот был соткан из дыма марихуаны, и плотно висел в воздухе, но моя мать не могла идентифицировать этот запах. Мне было тогда пятнадцать лет.

– Эй, мамуль, – сказала я, посмотри вокруг! Это психоделика!

У парней были длинные, беспорядочно торчащие волосы. Моя мать уставилась на одного из них. Он был с косметикой на лице и одетый в тогу.

– Повар приготовил ужин, так что будь готова к семи, – прокричала она сквозь громкую музыку Rolling Stones.

– Мы собрались поесть пиццу, – ответила я, сделав умоляющие глаза, чтобы она не смогла возразить. Она снова поглядела на пар-

ня в тоге. – Мамуль, я не могу здесь поесть, ну пожалуйста, – жалобно простонала я. Она заколебалась, но, как всегда, позволила мне уйти. Она знала, что мне причиняло боль наблюдать за спазмами болезненного тела моего отца. Он мог питаться только при помощи медсестры, убирающей остатки еды, капающие с его подбородка.

– И мамуль, ты не могла бы закрыть дверь, пожалуйста?

Каждую ночь, с пятнадцати лет, я стала регулярно посещать дискотеки. Ни один клуб не имел права впускать меня, из-за моего возраста, но все знали меня по фальшивому удостоверению личности. В семнадцать лет я уже писала статьи в газету Гринвич-Виллидж. «Популярные звуки от Клео», – так называлась моя колонка. Я получала бесплатные проходы на концерты, чтобы взять интервью у известных музыкантов за кулисами. Несмотря на ночной образ жизни, я не бросила школу. Самое интересное, что я достигла лучших результатов в учебе во время своего периода «одичания». Я всегда ненавидела, когда говорили, что мне нужно делать. Когда моя мамуля говорила, что нужно быть дома до одиннадцати, я снова и снова выбиралась из дома в полночь, и это продолжалось постоянно. Я была ужасным учеником. Меня выгнали сначала из французской, а потом и из двух последующих школ. И тогда меня перевели в школу под названием Quintanos, для так называемых «молодых профессионалов». Эта школа подходила для людей со странностями: для моделей, актеров, рок-музыкантов, и прочих творческих личностей. В Quintanos студенты не были обязаны учиться вообще. В этой атмосфере я процветала. Редко мои оценки были ниже чем «А». Без всякого принуждения к учебе я с удовольствием училась, потому что мне все нравилось. На мой девятнадцатый день рождения умер отец, наши деньги закончились, и моя мать была вынуждена переехать в квартиру меньшего размера без комнаты для меня. Хотя это была моя идея – жить отдельно. Да, я хотела иметь личную жизнь, но я не хотела получить отлучение от «Церкви», которое произошло из-за изменения образа моей жизни. Прекратились и мои еженедельные пособия. Из-за этого я тут же почувствовала себя окончательно вытолкнутой из своей предыдущей жизни. Наша кухня в старом доме была такой большой, что там можно было кататься на велосипеде, а теперь все, что я имела, это был электрический тостер на прикроватной тумбочке в моей новой арендованной комнате.

Как-то раз я зашла проведать свою мамулю, и она пригласила меня в печальный тур по ее квартире, которую она заполнила ис-

ключительно собой, в пяти огромных комнатах, на шестнадцатом этаже изящного здания на Пятой авеню. Бедненькая, она восклицала:

– Я не знаю, как я здесь избегу клаустрофобии! Я могу позволить себе горничную лишь три раза в неделю!

Вторая спальня была переделана в библиотеку, и она, страдальчески жестикулируя, сообщила мне о книгах, которые вынуждена была выбросить, оттого что на полках не хватало для них места.

– Мамуль, у меня огромная дыра в зубе и мне нужно к дантисту, – сказала я ей.

– Детка, мне жаль что не могу тебе помочь, просто я послала соболиную шубку скорняку, чтобы укоротить ее, и у меня в запасе нет ни одного лишнего цента. С короткой юбкой она будет выглядеть стильно, а то в длинной я выгляжу отсталой, ведь я не могу позволить себе новую.

Живя со своей матерью, я едва могла поддержать саму себя, и поэтому мне пришлось найти свой собственный путь. Денег, полученных от страховки отца, было недостаточно, чтобы поддержать нас обеих. Но что я могла тогда сделать? Я была воспитана так, как воспитывается дочь богатого человека, и никто не приспособил меня к жизни простого пролетария.

Волею судеб я стала чувствовать себя бездомной, словно лишенной гражданства. Нью-Йорк не был гостеприимен. Не было ничего для меня в этом городе. Позже я попыталась зарабатывать моделью, но ничтожные метр шестьдесят дисквалифицировали меня из этой профессии. И ничего нельзя было с этим поделать.

Помотавшись какое-то время в своем городе, в конечном счете, я решила уехать. На моем банковском счету была всего тысяча двести долларов. Такова была стоимость моей жизни на тот период времени. Теперь моя жизнь стала стоить как обычный средний подарок, который дарили мне родственники на день рождения. Итак, закрыв счет, я уехала из Соединенных Штатов, в Париже купила старый автомобиль и начала путешествовать со свободной душой.

– Куда вы едете? – спрашивали европейские пограничники, когда я подъезжала на своем красочном автомобиле. На капоте у меня красовалось большое улыбающееся лицо, а на крыше было нарисовано мною гигантское разбитое яйцо, стекающее на двери машины. На тот случай, если кто-то был против моих навыков вождения, то на него рычало фиолетовое привидение, которое находилось позади, на кузове моей аляповатой машинки.

– Я просто еду, – отвечала я.

– Что случилось с вашим передним номерным знаком? – спрашивали меня пограничники, замечая его отсутствие.

– Он отвалился и пропал. Но цифры там есть, вы видите их? Я нарисовала их на капоте внутри улыбающегося рта. Теперь они похожи на зубы, правда?

Два с половиной года я путешествовала по Европе и Ближнему Востоку. Я успешно поработала моделью в странах, где отродясь не было таких голубоглазых блондинок. Если вы включали телевизор в Греции, то вы не могли не увидеть меня с тюбиком зубной пасты или с баллончиком дезодоранта. Мне даже довелось сниматься в незначительных ролях в кино. Правда в таких странах, как Голландия с ее высокими блондинками, я снова была слишком коротка, чтобы быть моделью. Зимой, когда становилось чересчур холодно для того, чтобы спать в машине, я ночевала у знакомых людей на полу или в укромных уголках заброшенных зданий, у моих знакомых хиппи. Бедность – это хорошо, если ты путешественник. Это заявляло, что ты бунтарь, мятежник в поисках лучшего мира. Я была ребенком-цветком, выступающим против капиталистических ценностей. Я не часть вашей СИСТЕМЫ!

– Привет. Помните меня? Можно мне снова переночевать у вас на полу? Я скоро уезжаю в Синай, это в Израиле. Я слышала, там что-то интересное в пустыне.

Будучи вечно в дороге – это отличный способ встречать интересных людей и находить новые приключения. Тем не менее, через некоторое время я устала и от перемены мест. Мне хотелось обрести свой Дом, мне хотелось быть там с теми, кто разделял мое мировоззрение, с теми, кто был свободен от социальных нравов и не ограничен какими-либо традициями. Но я пока не слышала о подобном месте.

– Поехали в Индию, – услышала я от кого-то и где-то невзначай. Туда, где живут фрики*.

Я уже встречала несколько фриков, когда путешествовала. Это были очень яркие и оригинальные люди, разных национальностей, непохожие на других. Многие из них отказались от родины и

*Фрики (от англ. freaks) – контр-культурная группа людей, объединяющая такие направления, как панки, хиппи и т. п. Весёлые, разноцветно одетые гедонисты, чаще всего употребляющие наркотики, живущие вне привычной социальной матрицы. Фрикование — это процесс, посредством которого личность отбрасывает устаревшие и сковывающие стандарты мышления, внешнего вида и общественного поведения для того, чтобы творчески выразить свое отношение к окружающей его среде и структуре общества в целом.

своего бывшего образа жизни. У них был всегда творческий взгляд на жизнь, коллекция утопических идеалов в голове, плюс желание получать всегда удовольствие от жизни и избегать работы.

– Правда? – спросила я. А куда в Индию?

– В ГОА!!!